

Словацкая Республика: путь от евроожиданий к евроскептицизму (1993–2017 гг.)

Словакия с момента возникновения в 1993 г. прошла долгий, трудный и извилистый путь к своему «евросоюзному настоящему», на котором она ни разу не усомнилась в правильности цели вплоть до ее вступления в Европейский союз (ЕС) в 2004 г.¹ Только средства ее достижения отличались. Такое отсутствие любой другой альтернативы становится совершенно понятным, если рассмотреть структуру ее экономики: Словакия стремилась ориентировать свое экономическое развитие на экспорт, для чего ей нужны были новые и более богатые рынки сбыта. Одновременно с этим, она нуждалась в других, более качественных технологиях. Все это ей готов был предоставить ЕС. Однако такое безальтернативное одностороннее движение могло привести к потере экономической независимости, с таким трудом полученной ею в начале 1990-х годов.

Необходимо иметь в виду, что страна с экономическими масштабами Словакии в той или иной степени всегда будет зависеть от других государств. Однако если выстроить внешнеторговую политику таким образом, что она окажется в зависимости от разных стран (ЕС, США, РФ, Китай, Япония), то такая структура может привести к обретению в определенном смысле экономической самостоятельности². Именно так формировалась концепция внешней торговли Словакии при правительствах В. Мечьяра в 1990-е годы. Ее краеугольным камнем стала поддержка правительством создания среднего слоя в Словакии. Вкратце ее можно охарактеризовать следующим образом: внутриэкономическими и финансовыми мерами и стимулами наряду с реструктуризацией и амортизацией промышленности

словацкое правительство стремилось реформировать экономику, добиваясь улучшения уровня жизни населения. Все это происходило на фоне увеличивающегося экспорта Словакии в ЕС, который способствовал углублению и развитию словацкого производства.

Путь страны в Евросоюз в соответствии с данной концепцией пролегал через обеспечение динамики словацкого экономического роста. Правительством особо подчеркивалась необходимость проведения внутренних мер по сравнению этой страны «с будущим развитием [Евросоюза] в момент присоединения к нему Словакии». 19 января 1995 г. на четвертом заседании Национального совета Словацкой Республики (НС СР) премьер-министр Словакии В. Мечъяр, представляя программное заявление правительства СР, особенно отметил важность структуры словацкой экономики в этом процессе. «На этом пути, — заявил он, — мы подчеркиваем необходимость поиска последовательных шагов, отвечающих положению нашего общества, ее ресурсам и возможностям. К тому же они должны соответствовать стратегии, которая хотя и имеет одну только цель, но множество путей ее достижения. Поиск собственного пути не является поиском третьего пути. Речь идет о поиске соответствующего способа использования ресурсов и мобилизации всего, что нам доступно»³.

Это была своя собственная, словацкая концепция, основанная на нюансах внутренней экономики государства. Так она воспринималась в то время и российским ученым О. Богомоловым, охарактеризовавшим ее следующим образом: эта страна не хочет «идти по третьему, второму или первому пути, но именно по тому, который исходит из условий и нужд Словакии»⁴. Для успешного претворения в жизнь необходимы были две важнейшие составляющие. Во-первых, мобилизация всех ресурсов правительства и принятие конкретных мер, соответствующих данной концепции. И, во-вторых, поддержка этих начинаний не только со стороны оппозиции, но и западных стран.

С первым вопросом серьезных проблем не возникло. Министры ежемесячно предлагали основные концепции

по своим ведомствам для претворения в жизнь «словацкого пути». Ежегодно, начиная с 1996 г. и заканчивая 1998 г., ими подготавливались документы по реализации программного заявления правительства СР по каждому министерству. Основой данного процесса стали и правительственные законопроекты, принимаемые на протяжении нескольких лет в Национальном совете. Итог этой работы в высшей степени позитивно оценивался не только экономистами, но даже некоторыми иностранными журналистами. В апреле 1998 г. при правительстве В. Мечьяра 25 экспертами Всемирного банка был подготовлен отчет «Словацкая Республика: Стратегия для экономического роста и европейской интеграции». В нем американские эксперты характеризовали словацкое макроэкономическое развитие с 1993 г. следующим образом: «Словацкая республика с момента приобретения независимости... показала один из самых лучших макроэкономических результатов в Центральной Европе. Инфляция постоянно снижалась приблизительно на 6% в год и в настоящее время она одна из самых низких среди стран с переходной экономикой. Реальный ВВП вырос более чем на 6% в год и является лучшим достижением среди всех стран региона. Частный сектор, увеличивший свое участие в ВВП приблизительно до 80%, привел к экономическому подъему... Соотношение валовых инвестиций в основной капитал к ВВП сохранился на 30% уровне, что является самым высоким показателем в странах Центральной и Восточной Европы. Благодаря этому повысились перспективы дальнейшего накопления капитала и роста. Основной вопрос, с которым сталкиваются словацкие политики, заключается в том, сможет ли Словакия сохранить эти впечатляющие результаты. Наши эксперты в данном отчете приходят к выводу, что ответ на этот вопрос — положительный»⁵.

Вторая составляющая сыграла со словацкой экономикой злую шутку. Чем больше стабилизировалась словацкая экономика, чем большего роста она достигала, чем больше продвигалась реструктуризация и амортизация словацкой промышленности, тем больше словацкая оппо-

зиция понимала крайнюю сложность обстановки. Раньше, когда еще Словакия не добивалась столь положительных результатов, оппозиция аргументировала тем, что в той или иной степени соответствовало действительности: Мечъяр и его правительство не справляются, усугубляют положение словацкой экономики, приводят Словакию к экономическому спаду и социальной напряженности. Однако, начиная с 1995 г., ситуация для оппозиции становилась все более сложной. Поэтому она стала выдвигать на первый план весьма абстрактные формулировки. Заговорили о «преступной приватизации», «возвращении в коммунистическое прошлое», авторитаризме, национализме, невозможности в связи с «мечъяризмом» вступления Словакии в НАТО и ЕС и др.⁶ Причем нередко, как это бывает, Мечъяр обвинялся ими в том, чем они сами занимались находясь у власти в 1994 г.

Положение усугублялось не столько поддержкой этой позиции словацкими СМИ, сколько тем, что 90% газет, журналов и радиостанций в тогдашней Словакии преподносили точку зрения оппозиционных депутатов как свою собственную, причем объективную, аналитику. Ежедневно на население выбрасывалась огромная порция компромата против словацкого правительства. В связи с этим создавалось впечатление, что Мечъяр не пригоден к управлению государством, а его образ тиражировался в качестве едва ли не диктатора, которого необходимо убрать из политики, так как он не сможет привести Словакию в светлое европейское будущее. Следует особо подчеркнуть, что до настоящего момента ни одно из этих обвинений доказать не удалось. Даже ни в одном из своих документов два правительства М. Дзуринды (1998–2002, 2002–2006) не смогли привести доказательства ко всем этим обвинениям. Тем не менее, и сегодня в словацком обществе, политологии и историографии история Словацкой Республики поделена на две части: эпоха «мечъяризма» и «эра демократии и правового государства».

Эту журналистскую составляющую усугубляло то обстоятельство, что оппозиционный образ, превалировав-

ший в словацких СМИ, получил развитие в западной журналистике. Корреспонденты западных газет находились в Праге и переписывали чешскую журналистику. Это приводило к серьезным последствиям. Так, например, еще в марте 1994 г. поверенный в делах Посольства Великобритании в Братиславе М. Бейтс в своем интервью отмечал тиражирование на Западе «искаженного, неправдивого образа» о Словакии, создававшегося иностранными журналистами посредством использования «второсортных информаций» и выдвигения «превратного субъективного мнения». Результатом такой работы стало возникновение «ошибочного» представления об этой стране в среде английских предпринимателей и экономистов. В начале 1994 г. Бейтс приехал в свою страну с «торговой миссией», целью которой было посещение им торговых палат, экспортеров и других предпринимателей для ознакомления их со словацкими экономическими возможностями. «С сожалением я обнаружил, что в Великобритании имеется только незначительная заинтересованность в Словакии. Поэтому моя миссия продолжалась всего лишь три дня. Это печально для британских коммерческих интересов, не говоря уже о британской промышленности, так как с моей точки зрения Словакия обладает инвестиционными и торговыми перспективами»⁷, — констатировал он.

Проблема еще больше осложнилась из-за позиции западных политиков, которые поддерживали Мечьяра и его правительство в 1993 — начале 1994 г. и отчасти в начале третьего правительства Мечьяра, т.е. до середины 1995 г. В июне 1995 г., однако, ситуация кардинальным образом изменилась. По дипломатическим каналам из Вашингтона и Бонна развернулась критика Мечьяра и всей Словацкой Республики. Верховенство в ней заняли Соединенные Штаты Америки, поднимая «классические» для западных стран темы: коррупция, состояние прав человека, положение национальных меньшинств, свобода слова и др. Первым в ряду такой критики стал доклад сотрудницы Комитета по внешней политике Конгресса США Э. Смит «Опасение, касающееся развития демокра-

тии в Словакии». Его можно охарактеризовать как набор некоторых выдернутых из контекста фактов из словацкой действительности, которым придавалась трактовка, противоречившая не только реальному положению вещей, но и в ряде случаев западной практике. Так, например, в данном документе утверждалось, что директор словацкой внешней разведки — Словацкой информационной службы — «использует ее для проведения в жизнь программы словацкого правительства»⁸. Бывший председатель Словацкой академии наук и тогдашний посол Словакии в Вашингтоне член-корреспондент Б. Лихардус в своем письме по поводу данного документа колко заметил: «Здесь (в отчете. — *В. Н.*) находится еще одна вещь, по поводу которой я прошу Вас хорошо подумать. Вы когда-нибудь видели директора любой разведки в мире, чтобы он делал что-то другое, нежели “использовал ее для осуществления программы правительства”?»⁹.

Необходимо также отметить, что американский эксперт перепутала заместителя председателя Демократического союза (ДС) Р. Ковача с президентом Словакии М. Ковачем. К тому же, ее заявление о том, что словацкий «парламент состоит преимущественно из лояльных правительству партий» демонстрирует ее непонимание не только словацкой государственной системы, но и всех европейских демократий парламентского типа. Именно на это обратил внимание Б. Лихардус, едко заметив: «Хотелось бы надеяться, что Ваши познания в европейских парламентских системах предоставляют Вам достаточную базу для их сравнения, чтобы делать соответствующие выводы»¹⁰.

Все эти факты удивительны тем, что Э. Смит в начале июня приезжала в Словакию, и американские дипломаты должны были ей предоставить хотя бы пояснительную записку к внутривластной ситуации в стране пребывания. К тому же, она встречалась как с представителями власти, так и с оппозиционными депутатами. Однако словацкого дипломата удивило не это. Больше всего его поразило тот факт, что «на наших предыдущих встречах вы не представили ни одного из этих замечаний»¹¹.

Таким образом, Конгресс США в лице Э. Смит внезапно для самих словацких дипломатов в США предъявил претензии словацкому правительству по тем вопросам, которые возникали и раньше, но тогда еще не замечались американскими политиками и экспертами. Этот вывод подтверждает дальнейшая динамика нападок на Словакию.

В конце августа 1995 г. члены Хельсинкской комиссии Конгресса США написали письмо Б. Лихардусу, в котором в основной своей массе содержатся аргументы Э. Смита. Они дополнялись новыми утверждениями, затрагивавшими свободу слова, законопроект о государственном языке, положение национальных меньшинств в СР и др.¹² Весь этот объем аргументов был почерпнут ими от словацких депутатов венгерского происхождения, приехавших в США в начале июля 1995 г. Причем, особенно поражает тот факт, что конгрессмены ссылались на утверждения члена Комитета по местному и региональному управлению и национальным меньшинствам НС СР М. Дурая, с критикой которого выступил секретарь посольства Венгрии в Бонне. Тогдашний словацкий дипломат И. Корчок¹³ в донесении от 27 октября 1994 г. отметил, что в разговорах с венгерскими дипломатами за последнее время бросаются в глаза «отрицательные оценки позиции и политики Дурая»¹⁴. Именно его венгерский дипломат обвинил в том, что представителям венгерских партий не удалось достигнуть согласия с Мечъяром по поводу возможного их вхождения в состав нового словацкого правительства. Таким образом, венгерские дипломаты, в отличие от американских конгрессменов, критично относились не к Мечъяру, а к своим политикам в Словакии. У них в то время прослеживалась попытка разобраться в ситуации в стране.

Не дожидаясь ответа со стороны словацких дипломатов, сотрудники Хельсинкской комиссии опубликовали в пресс-релизе основные свои выводы. Таким образом, уже к концу августа 1995 г. имела место попытка со стороны представителей Конгресса втянуть американское общество в давление на Словакию. Благодаря этому создавался весьма плачевный ее образ, как недемократической, авто-

ритарной страны, оказывавшей давление на национальные меньшинства и нарушавшей права человека.

Во второй половине 1995 г. США попытались оказать давление на Евросоюз, чтобы тот расторг Соглашение об ассоциации Словакии с ЕС и ввел экономические санкции против Словакии. Мечъяр проинформировал заместителя госсекретаря США Р. Холбрука о наличии информации по поводу такой американской политики, отметив, что «в случае давления на нынешнее словацкое правительство» будет достигнут только обратный эффект: «граждане СР в ходе референдума о вступлении в ЕС проголосуют против»¹⁵. Совершенно очевидно, что угроза, связанная с референдумом, была единственной возможностью для маленькой страны защитить себя от подобного рода американской политики.

Евросоюз, однако, не собирался санкционировать Словакию. У него существовали другие рычаги давления. От формы демарша правительству СР (октябрь 1995 г.) через критику Словакии и правительства Мечъяра вплоть до неприглашения Словакии к переговорам о расширении ЕС на Лиссабонском саммите 1997 г. К евросоюзному демаршу месяц спустя присоединились США. В заявлении говорилось: «Правительство Соединенных Штатов Америки было проинформировано о том, что трое послов Евросоюза 25 октября вручили премьер-министру В. Мечъяру демарш, выражающий беспокойство Евросоюза в связи с возможными действиями, направленными против президента [Словацкой] Республики. Они могли бы отрицательным образом повлиять на развитие демократии в Словацкой Республике... Мы разделяем опасения Евросоюза...»¹⁶. Далее в демарше США повторяются выводы из заявления ЕС, в которых изобилуют такие фразы, как «скорее всего», «нам кажется», «возможно» и др. Таким образом, на официальном уровне США представляли свою политику по отношению к Словакии, как позицию, дублирующую восприятие этой страны Евросоюзом.

В дальнейшем критика расширялась, охватывая все новые и новые аргументы, которые также не подкреп-

лялись никакими доказательствами, как и раньше. Подавляющее их большинство основывались либо на непонимании, либо на фальсификации законодательства Словакии. Так, например, в 1996 г. США использовали неправдивую трактовку со стороны словацких оппозиционных журналистов поправок к Закону о государственных символах СР. В отчете Госдепартамента о правах человека за 1996 г. содержится утверждение о том, что данный закон «ограничивает» звучание иностранных гимнов на территории Словакии, связывая его только с присутствием иностранной делегации в этой стране¹⁷. А Конгресс США в лице Хельсинкского комитета пошел еще дальше: данный законный акт он охарактеризовал как «антивенгерскую политику»¹⁸. Во-первых, речь шла о «государственном гимне», то есть об официальном звучании одного из атрибутов других стран на территории СР. Этот закон не курировал, да и не мог, звучание гимнов на радиостанциях, телевидении или в жилых домах и помещениях. Необходимо иметь в виду, что до сентября 1996 г. при приезде иностранной делегации в Словакию организация оркестра, исполняющего гимн другой страны, зависела от воли политиков центрального, регионального или местного уровня. Министерство внутренних дел СР (МВД) своей поправкой обязало их обеспечить звучание гимна другой страны, включив в 13-ю статью закона текст следующего содержания: «национальный гимн другой страны играет-ся при присутствии ее официальной делегации»¹⁹.

Во-вторых, никто на заседании НС СР не выступил против этой поправки, в том числе и венгерские депутаты²⁰. Существовали три голосования к этим поправкам: первое голосование касалось поправок, предложенных министерством. Затем депутаты голосовали за поправку, предложенную депутатом З. Лазаровой. После чего депутаты проголосовали в целом за все поправки к данному законопроекту. В виду того, что никто не предложил изменить часть, касающуюся гимнов, нас интересует первое, а отчасти и третье голосование. Итог был следующий. Первый раз за этот документ из 102 депутатов проголосо-

вал 91 человек (конституционное большинство), никто не голосовал против. Третье голосование имело следующий результат: из 112 депутатов за окончательную редакцию поправок проголосовали 82 депутата (необходимо было 76 голосов), против не голосовал никто, воздержались 29 человек, не голосовал 1 депутат. Так реально выглядела тогдашняя «антивенгерская политика» словацкого правительства. Отметим, что данная законная норма вступила в силу 1 октября 1996 г.²¹ Она осталась в данном законе и после принятых поправок в 2004 г.²², и действует она до сегодняшнего дня²³.

В 1997 г. западные политики предприняли даже попытку фальсификации постановления Конституционного суда СР. Тогда уже со всей очевидностью стало понятно, что «демократические ценности» были отодвинуты в сторону. Касалось это референдума о вступлении Словакии в НАТО.

«Североатлантическое» измерение словацкой внешней политики с момента образования этого государства не вызывало никаких сомнений. На первом этапе (январь 1993 — середина 1995 гг.) существовал консенсус всех политических фракций в двух созывах НС СР по поводу вступления в НАТО и ЕС. Еще в середине 1993 г. этот факт особо отметили российские дипломаты в пояснительной записке к визиту делегации Верховного совета РФ в Братиславу²⁴.

В феврале 1997 г. депутаты от Движения за демократическую Словакию (ДЗДС) с поддержкой «коалиционных» фракций парламента — Словацкой национальной партии (СНП) и Объединения рабочих Словакии (ОРС) представили проект референдума с тремя вопросами: «1. Вы за вступление Словацкой Республики в НАТО? Да — нет. 2. Вы за размещение атомного вооружения на территории Словацкой Республики? Да — нет. 3. Вы за размещение военных баз на территории Словацкой Республики? Да — нет»²⁵.

Представители словацкой оппозиции на заседании парламента 14 февраля 1997 г. проголосовали против проведения референдума²⁶. Однако после того, как президент СР

М. Ковач объединил два референдума (вступление в НАТО с прямыми президентскими выборами), бывшие критики стали горячими сторонниками волеизъявления словацкого народа с четырьмя вопросами. Последний был следующий: «Вы согласны с тем, чтобы президента Словацкой Республики избирали напрямую словацкие граждане в соответствии с прилагаемым конституционным законопроектом?»²⁷ Однако Конституционный суд СР своим постановлением № 26 от 21 мая 1997 г. признал четвертый вопрос противоречащим второму абзацу статьи 3 Закона № 564/1992 о проведении референдума от 19 ноября 1992 г.²⁸ Но и приложение к последнему вопросу в соответствии с постановлением Конституционного суда СР противоречило второму разделу пятой главы Конституции СР²⁹.

В связи с этим, необходимо было либо видоизменить четвертый вопрос, либо его убрать. По первому пути правительство пойти не могло, так как его вписал в референдум своим указом словацкий президент, что могло свидетельствовать о вмешательстве в его работу. Поэтому оставалась только одна возможность: провести всенародное голосование с тремя вопросами. Но этому противодействовали и президент, и оппозиционные депутаты, и большинство членов Центральной избирательной комиссии (ЦИК), в которой были представлены все политические фракции НС СР и, следовательно, оппозиция имела больше голосов, чем партии власти. Партия левых демократов (ПЛД), Христианско-демократическое движение (ХДД), ДС и представители венгерской фракции в нарушение постановления Конституционного суда СР заявляли о том, что голосовать можно только по четырем вопросам. На самом деле здесь угадывается продолжение борьбы против референдума как такового. Но если в феврале дело касалось высказываний депутатов на заседании парламента, их взаимных споров и упреков касательно референдума, то в мае дело уже дошло до нарушения постановления высшей судебной инстанции Словакии.

Однако учитывая то обстоятельство, что за ними стояла вся политическая и дипломатическая мощь США и

Евросоюза, как и внутренняя общественно-политическая сила в лице подавляющего большинства СМИ, то они по большому счету ничем не рисковали. Сфальсифицировав данное постановление, они решили обвинить во всем правительство Мечъяра и лично главу МВД Г. Крайчи. При чем для этого им понадобилось еще сфальсифицировать и пояснительную записку к данному постановлению, и закон № 564/1992 о проведении референдума от 19 ноября 1992 г. Бывший вице-премьер временного правительства И. Шимко (депутат от ХДД), как и бывший министр внутренних дел СР Л. Питтнер (депутат от ДС) обвинили министра в нарушении статьи 30 Закона о проведении референдума. Его вина заключалась якобы в том, что он «не обеспечил проведение в жизнь постановления Центральной избирательной комиссии от 5 мая 1997 г., в соответствии с которым МВД предписывалось изготовить и представить в ЦИК не позднее 7 мая 1997 г. образец бюллетеня согласно статье 15 абзаца 2 настоящего закона»³⁰. Логика здесь следующая: ЦИК обязал МВД распечатать бюллетени с четырьмя вопросами (в нарушение постановления Конституционного суда СР!), а последний представил только 3 вопроса с бланком ЦИК и, тем самым, нарушил его постановление.

Эта аргументация, однако, не выдерживает никакой критики. Во-первых, в соответствии со статьей 12 у ЦИК нет никаких полномочий по изготовлению и представлению бюллетеня. Во-вторых, статья 30 говорит о том, что именно МВД занимается его распечаткой, без какого-либо упоминания о ЦИК. В-третьих, в соответствии с 15 статьей, МВД без участия ЦИК распространяет эти бюллетени по участкам³¹. Этот закон действовал в Словакии до 30 июня 2015 г.³²

Вся эта политика и все обвинения Мечъяра, а также его правительства были тут же поддержаны западными политиками. После объявления референдума представители Комитета по обороне Западноевропейского Союза в начале апреля 1997 г. выступили против проведения референдума, ссылаясь на отсутствие в Словакии опы-

та в подобных вопросах. Лорд Ньювал, член комитета от Великобритании, заявил, что «правительство принимает решение о вступлении государства в НАТО и в случае проведения всенародного голосования оно должно содержать минимальное количество вопросов, в лучшем случае один»³³. Таким образом, западные политики пытались сами решать, необходимо ли волеизъявления словацкого народа по поводу вступления этой страны в НАТО или нет. Они также стремились определить содержание и количество вопросов в словацком референдуме.

После фальсификации оппозицией постановления Конституционного суда СР и последующего обвинения на ее основе Мечьяра в том, что именно он якобы «сорвал» проведение референдума, западные политики и дипломаты тут же начали эксплуатировать этот образ. И пресс-секретарь Госдепартамента США, и посол США в Братиславе Р. Джонсон, и Хельсинкская комиссия³⁴, и другие представители западных стран в один голос заявляли об отсутствии в Словакии правового государства. Член Еврокомиссии Г. ван ден Брук, к примеру, утверждал, что словацкое правительство «действовало вразрез с решениями Конституционного суда и ЦИК», что являлось для него доказательством «дефицита применения основ правового государства»³⁵. Проблема заключалась не в том, что эти заявления противоречили постановлению Конституционного суда, а в том, что об этом не могли не знать на Западе. 26 мая 1997 г., на следующий день после несостоявшегося референдума, Мечьяр встретился с дипломатами 43 стран³⁶. В ходе их общения глава словацкого правительства передал представителям этих государств переведенное на английский язык постановление Конституционного суда³⁷. Следовательно, его реализация правительством В. Мечьяра объявлялась нарушением основ правового государства, а его нарушение оппозицией — демократией.

Эта тенденция сохранилась и в 1998 г. Госсекретарь США М. Олбрайт назвала Словакию «черной дырой Европы» в связи с тем, что парламент не смог избрать президента Словакии³⁸. Правда, лишь в сентябре 2016 г., в ходе

беседы со словацким президентом А. Киской, она якобы «извинилась» за эту фразу, спросив его, обижаются ли словаки до сегодняшнего дня за эту характеристику³⁹. Совершенно другой точки зрения в 1998 г. придерживался премьер-министр Италии Р. Проди. На встрече с Мечьяром 30 июля 1998 г. он сказал, что Словакии не нужно переживать по поводу того, что парламент в ходе пяти раундов не смог избрать президента, так как в Италии для этого необходимо более 20 раундов. Таким образом, здесь вновь прослеживается критика Словакии со стороны США в связи с тем, что является совершенно нормальной практикой в некоторых западных странах. Тогдашний итальянский президент О. Л. Скалфаро был избран президентом Италии 28 мая 1992 г. в ходе 16 раунда⁴⁰.

В ходе парламентских выборов в сентябре 1998 г. представители западных стран, действовавших в рамках наблюдательской миссии ОБСЕ, грубейшим образом вмешались в ход выборов. Сначала они с поддержкой своих дипломатов заявляли, что выборы вряд ли можно будет признать демократическими, ссылаясь на поправки к закону о выборах⁴¹. Это несмотря на то, что словацкое законодательство о выборах полностью соответствовало чешским нормам, по которым уже прошли выборы 19–20 июня 1998 г. Они были признаны демократическими и ОБСЕ. На этот факт уже после словацких выборов 25–26 сентября указал наблюдатель от ОБСЕ и председатель британской Хельсинкской группы Дж. Логлэн⁴². Так, например, он привел в пример не только Чешскую Республику, но и июньские выборы в Черногории⁴³, где тогда не существовало никакого оппозиционного телеканала, не велась даже трансляция сербского телеканала, оппозиционно настроенного по отношению к черногорскому правительству. К тому же, оппозиционные газеты, по его утверждению, находились в руках правительства. Тем не менее, эти выборы ОБСЕ охарактеризовала как демократические⁴⁴. В Словакии же 90% печатных СМИ находилось в руках оппозиции, а один из двух основных телеканалов — Маркиза — обслуживал интересы оппозиции.

За день до выборов наблюдатели ОБСЕ передали словацким оппозиционным журналистам письмо сотрудников Национального демократического института (НДИ), в котором оказывалась поддержка словацкой оппозиции. Это явилось нарушением не только устава ОБСЕ, но и закона о выборах СР. Это была агитация за один из противоборствующих политических лагерей в день моратория на какую бы то ни было агитацию. На этот факт обратило внимание сотрудников ОБСЕ Министерство иностранных дел Словакии⁴⁵. Причем речь шла об инструменте Демократической партии США не только на территории Словакии. Еще более жестко представители НДИ действовали в то время в Российской Федерации⁴⁶.

В ходе выборов некоторые наблюдатели ОБСЕ пошли даже на фальсификацию собственных документов, на что обратил внимание Логлэн. Один из представителей ОБСЕ К. Варрен на пресс-конференции констатировал, что телеканал Маркиза был менее предвзятый, чем проправительственный телеканал СТВ. Однако из данных ОБСЕ, переданных журналистам в ходе пресс-конференции, «следует противоположная картина. Они показывают, что именно общественный телеканал СТВ был менее односторонним, чем Маркиза..., что противоречит утверждениям Кэра Варрена»⁴⁷.

В основу их работы был положен исключительно политический, или антиправительственный фактор. Это стало очевидный уже после первого дня голосования. Утром второго дня (26 сентября) на закрытом совещании наблюдателей ОБСЕ характеристика выборов была положительной. В то время, по предварительным данным, побеждала Словацкая демократическая коалиция (СДК) во главе с Дзуриной. Однако в середине дня, когда уже вырвалась вперед ДЗДС, их оценки стали «куда более сдержанными. На вопрос одного американского журналиста, демократичны ли выборы в Словакии, [наблюдатели ОБСЕ] отказались дать четкое определение». Председатель британской Хельсинкской группы предположил, что разница в их оценках зависела от того, кто на выборах побеждает: СДК или ДЗДС⁴⁸.

Такая работа сотрудников ОБСЕ полностью противоречила тому образу, который пытался нарисовать об ее деятельности на выборах глава миссии наблюдателей К. Воллан в разговоре с министром иностранных дел Словакии З. Крампловой еще в первой половине сентября. Он уверял ее, что наблюдатели не станут вмешиваться ни в предвыборную кампанию, ни в сам выборный процесс, а отчеты об итогах выборов будут «уравновешены и объективны». И поэтому их наблюдатели «своим присутствием внесут вклад в демократический и прозрачный ход парламентских выборов»⁴⁹. Воллан «выразил убеждение в том, что все наблюдатели будут придерживаться Кодекса поведения миссий ОБСЕ по наблюдению за выборами и ни при каких обстоятельствах не будут влиять на выборы. В нынешней практике он встретился только с 2–3 случаями нарушения кодекса, которые, однако, ОБСЕ решала немедленно и категорично»⁵⁰. Эти приятные словацким правительственным политикам фразы со стороны К. Воллана нужны были лишь для получения возможности наблюдать за словацкими выборами. Как показало время, они ничего общего с реальной политикой ОБСЕ не имели.

Но западная позиция одержала верх: победили «прозападные» и «демократические» силы. После формирования нового словацкого правительства во главе с Дзуриндой от 30 октября 1998 г. на Западе ликовали. С конца октября по конец декабря 1998 г. множились одобрительные оценки работы нового словацкого правительства, хотя оно никакие реальные изменения тогда еще провести в жизнь не могло. Они начались разрабатываться и принимались правительством в самом конце 1998 г. — начале 1999 г. Несмотря на фразы поддержки западными политиками «новой Словакии», никакие конкретные меры ими не были предложены⁵¹.

Запад, таким образом, на словах все более и более поддерживая правительство М. Дзуринды, занял на деле выжидательную позицию. Но что, действительно, хотели от Словакии западные политики? Что им настолько не нравилось в этой стране, что готовы были поддержать оппози-

цию и вместе с ней фальсифицировать словацкие законные нормы и даже постановление Конституционного суда СР, нарушая тем самым свои демократические нормы.

Начнем с того, что еще в конце 1994 г. западные политики и дипломаты особенно пристальное внимание уделяли словацкой приватизации. 4 ноября тогдашняя оппозиция (ДЗДС, СНП и ОРС) сняла с поста министра по управлению и приватизации национального имущества СР М. Яничину⁵² из-за чего тогдашнее временное правительство СР во главе с Й. Моравчиком не смогло продолжить приватизацию. Это привело к тому, что документ о приватизации стратегических предприятий так и не был реализован. Вслед за этим Евросоюз отправил Словакии демарш. Однако формирование нового словацкого правительства 14 декабря 1994 г. под председательством Мечьяра породило выжидательную тактику со стороны западных стран к Словацкой Республике. Но после того, как в июне 1995 г. словацкое правительство отправило в НС СР Законопроект о соблюдении государственных интересов при приватизации стратегических предприятий (Закон о стратегических предприятиях)⁵³, в соответствии с которым эти компании не подлежали приватизации, развернулась настоящая травля Словакии. Это показывают такие аналитические материалы, как отчеты Э. Смит и Хельсинкской комиссии в июле–августе 1995 г.

После того, как словацкий парламент преодолел вето президента СР на этот законопроект, в США прибыл с визитом министр внутренних дел СР Л. Худек. Советник по вопросам безопасности президента США Д. Фрид привел ему несколько фактов из словацкой политической жизни в изложении оппозиции и оппозиционных СМИ. Например, он упомянул о краже дамской сумочки у женщины-депутата НС СР Б. Шмегнеровой, бывшего вице-премьера временного правительства СР. Эти факты он охарактеризовал как «практики бывшего КГБ». Вслед за этим он процитировал высказывание Р. Холбрука, в соответствии с которым Мечьяр мог бы стать «словацким Джорджем Вашингтоном». «Но если Словакия продолжит то, что он

назвал тоталитарным курсом, то она останется изолированной», — написали словацкие дипломаты в одном из донесений⁵⁴.

Здесь вырисовываются два интересных момента. Во-первых, до вступления в силу Закона о стратегических предприятиях словацкий премьер-министр, по словам западных политиков, мог стать «отцом-основателем» Словакии, а после — его действия стали напоминать «практики КГБ». Во-вторых, как только Словакия начала проводить «неподходящую», «неправильную» макроэкономическую политику на своей территории, сразу возникла теория об изоляции страны. Уже тогда американцы дали понять словакам, в каком русле будет развиваться их критика. В дальнейшем их аргументы и действия выстраивались по этому образцу.

Динамика этого давления была следующей: с самым жесткими заявлениями перед американской прессой (как, впрочем, и по дипломатическим каналам) выступали конгрессмены и сенаторы из Хельсинкской комиссии. Словацкие дипломаты с ними встречались, обсуждали их точку зрения, аргументировали и доказывали несостоятельность их утверждений. В итоге в 1997 г. ее председатель А. Д'Амато даже отказался встретиться с министром иностранных дел Словакии П. Гамжиком, сославшись на занятость. Последний хотел обсудить с ним его «резкое, субъективное заявление по поводу соблюдения прав человека в СР»⁵⁵.

На втором месте были сотрудники Совета по национальной обороне США. Еще более мягкая позиция наблюдалась у представителей Госдепартамента США. Но последние, тем не менее, пересказывали аргументы Хельсинкской комиссии. Однако, в отличие от нее, американские дипломаты давали словацким коллегам и политикам возможность ответить на их критические замечания. Впрочем, это касалось только дипломатических каналов. На публику выбрасывались исключительно разоблачения авторитарной Словакии, чем создавался отрицательный, неправдивый образ об этом государстве. Он использовался

конгрессменами и сенаторами из других комитетов Конгресса США, которые вторили коллегам из Хельсинкской комиссии.

Необходимо подчеркнуть, что в тогдашнем Конгрессе существовали не только критики Словакии, но и ее сторонники. Одним из «самых влиятельных и самых последовательных защитников»⁵⁶ страны был конгрессмен от Флориды, республиканец Дж. Мика, приехавший в Словакию с американскими предпринимателями еще в первой половине июля 1994 г.⁵⁷ Следует также отметить, что у него были словацкие корни: его дедушка и бабушка родились в западной Словакии⁵⁸. В связи с этим он совершил личный визит в Словакию (для встречи с двоюродной сестрой)⁵⁹. Председатель словацкого языкового и культурного центра на Флориде «Словацкий сад» А. Гудак охарактеризовал его как «молодого, гордого американского словака»⁶⁰. «Мой дед родился в Словакии. Словаки — терпеливые и мирные люди. Их угнетали на протяжении 1000 лет, а свободными и независимыми они стали только в последние четыре года», — такой образ страны рисовал Мика на заседании Палаты представителей Конгресса США. 11 июня 1997 г. в ходе обсуждения «Закона о европейской безопасности 1997 г.», направленного на расширение НАТО, практически все выступавшие исключили Словакию из списка стран-кандидатов для расширения альянса. Наряду с Чешской Республикой, Польшей и Венгрией отмечалась готовность к вступлению в НАТО Словении, стран Балтии, Румынии. Даже Украина приводилась чаще, чем Словацкая Республика. Мика напомнил Палате представителей о существовании этого государства. «Я сожалею, что этот законопроект выбирает победителей и проигравших... Лично я считаю, что Словакия должна быть приглашена к расширению НАТО. Ее следовало выбрать для первого раунда расширения еще в прошлом году и, безусловно, она должна быть включена в качестве страны-кандидата сегодня. К сожалению, весь этот процесс стал скорее конкурсом популярности, чем продуманным анализом международной безопасности»⁶¹.

Еще одним защитником Словакии выступил Дж. Маккейн. В ходе его встречи с Гамжиком 23 апреля 1997 г. американский сенатор поддержал стремление этого государства стать членом НАТО. Словакия, по его словам, «должна вступить в НАТО — во второй волне вместе с Румынией... и, возможно, с другими 2–3 странами». В то же время он отметил, что Чешская Республика должна вступить в НАТО вместе со Словакией, «поскольку обе страны должны иметь одинаковый уровень гарантий безопасности». Видимо, он имел в виду возможный перевод Чехии во второй раунд расширения НАТО*. Что касается демократизации Словакии, Маккейн стоял на следующих позициях: после приглашения его Гамжиком на словацкие выборы 1998 г. в качестве наблюдателя американский сенатор отреагировал замечанием, что «в Словацкой Республике создана функциональная демократия и в связи с этим туда не нужно отправлять никаких иностранных наблюдателей»⁶².

Таким образом, в целом критика и разоблачения «мечьяризма» в Словакии имела единственную причину: отказ правительства от приватизации стратегических предприятий. Это являлось краеугольным камнем всей западной политики по отношению к Словакии. Так, например, Мюллер, сотрудник филиала Министерства экономики ФРГ в Берлине, еще в октябре 1994 г. предупредил словацкого дипломата И. Майера: Германия будет относиться к словацкому правительству исходя из того, как оно будет проводить приватизацию⁶³. Это понимали в то время и российские эксперты. Так, например, в декабре 1994 г. в ходе встречи со словацкими дипломатами сотрудник Совета безопасности РФ С. Губарев охарактеризовал внешнюю политику Евросоюза по отношению к государствам ЦВЕ следующим образом: «что ваше — то наше, а что наше — в это вы не вмешивайтесь»⁶⁴.

Мечьяр не хотел идти по этому пути. Но с приходом к власти Дзуринды все изменилось. В 1999 г. словацкое

* Отметим также и то, что в то время Дж. Маккейн высказал «серьезные сомнения в том, что страны Балтии могут стать членами НАТО» даже в будущем.

правительство принимает концепцию приватизации, в соответствии с которой с 2000-го года планировалась приватизация стратегических предприятий. Австрия получала национального авиаперевозчика «Slovak Airlines»⁶⁵, «Словацкая газовая промышленность» доставалась концерну ЭОН (немецкая компания «Рургаз» и французская «ФДП Суэц»), американская транснациональная корпорация (ТНК) U. S. Steel приобретала «Восточно-словацкий металлургический комбинат», «Словацкий энергетический холдинг» переходил к итальянской ТНК «Энел», а основной нефтеперерабатывающий концерн «Словнафт» — венгерской компании MOL, ранее приватизированной американскими субъектами⁶⁶.

Подобная западная политика, а в особенности проведение ее в жизнь правительством Дзуринды привела к катастрофическим последствиям. На фоне существенного роста ВВП и внешнеторгового оборота, значительно упал уровень жизни населения Словакии. Эту ситуацию охарактеризовал советник по экономике бывшего премьер-министра Словакии Мечьяра и нынешнего главы словацкого правительства Р. Фицо экономист П. Станек в 2011 г. «Успешность словацкой экономики, — подчеркнул он, — зависит не от словацких предприятий, а от нескольких десятков иностранных компаний, в руках которых находится подавляющее большинство экспорта, продукции, прибыли. Так что ситуация следующая. Формально у нас огромный рост ВВП, который не способствует повышению зарплат, а прибыль переводится за границу. Но наш внешнеторговый баланс изумителен, так как мы имеем положительное сальдо»⁶⁷.

Сегодня ситуация выглядит еще сложнее, чем несколько лет тому назад. Ее охарактеризовал премьер-министр Словакии Фицо в одном интервью 1 февраля 2012 г. Самым большим преимуществом Словакии в Евросоюзе, с его точки зрения, является социальная терпимость населения этой страны. «Мне, — сказал он, — не хотели верить мои коллеги премьер-министры, когда я им сообщил о том, что обычная пенсия составляет 280 евро, и сотрудник компа-

нии может получать оклад в размере всего лишь 450 евро. Они сказали мне, что на такие финансовые средства выжить невозможно. И именно такая своего рода способность людей жить благодаря низким зарплатам, позаботиться о своих семьях за счет работы на двух-трех местах, с моей точки зрения, является преимуществом Словакии. Я думаю, что мы более приспособлены к жизни, чем французы, испанцы, португальцы. Если бы в Испании возникла ситуация, когда им пришлось бы жить на 300–400 евро, то они сожгли бы собственную страну. А наши люди живут и продолжают работать. В этом наше преимущество». При этом Фицо откровенно заявил, что эта «социальная терпимость» появилась благодаря деятельности всех политиков в Словакии, которые могут поздравить друг друга с таким результатом⁶⁸. И в этих словах нет никакой иронии. Он всего лишь охарактеризовал тот факт, который возник в Словакии еще в начале 2000-х годов и стал следствием прозападной политики двух правительств Дзуринды. Как метко заметил еще в 2006 г. словацкий социолог Ш. Сурманек: «Надо смириться с действительностью, что каждая реформа или трансформация имеет своих “победителей” и своих “побежденных”. Но трудно примириться с тем, что последних оказывается гораздо больше»⁶⁹.

И на фоне этих последствий, развития «социальной терпимости» трансформируются старые и появляются новые политические субъекты, которые предлагают альтернативный путь, во многом напоминающий макроэкономическую политику правительств, возглавляемых Мечъяром. Один из них — «Народная партия — Наша Словакия» (НП–НС) под председательством М. Котлебы, занимающая выраженные антинатовские и антиевросоюзные позиции. С их точки зрения, и НАТО и Евросоюз оккупируют Словакию⁷⁰. Они являются приверженцами точки зрения, согласно которой Чехословакия не была столь зависимой от СССР, как Словакия — от Евросоюза. Они называют Словакию экономической колонией Запада, поскольку иностранные компании выкачивают миллиарды евро из словацкой экономики⁷¹. НП–НС выступила как про-

тив учений словацких военнослужащих в составе НАТО на границах России, так и против вступления в альянс Черногории. НАТО они характеризуют как преступную, террористическую группировку⁷². Более того, с помощью процитированного на заседании Национального совета СР письма словацкого военнослужащего, член НП–НС Н. Граусова заявила о «геноциде русскоязычного населения в восточной Украине»⁷³.

На парламентских выборах 2016 г. НП–НС получила 8% голосов электората, а сегодня у нее по опросам общественного мнения около 11%. Причем агентство «Полис» дает ей 14,2%⁷⁴. Это свидетельствует о том, что борьба за словацкое будущее еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории. Т. 2. М., 2005. С. 383–429; Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века — начало XXI столетия). М., 2008. С. 229–246; Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. М.; СПб., 2015. С. 284–326;

² Такого многовекторного экономического развития придерживались словацкие предприниматели еще в марте 1993 г., настаивавшие на проникновении словацкой продукции не только на рынки ЕС, но и на усилении «позиций Словацкой Республики на рынках Польши, Венгрии и стран СНГ». См. Чехия и Словакия в XX веке. Т. 2... С. 386. Необходимо отметить, что в то время в Словакии как политологи, так и экономисты постоянно подчеркивали важность проведения диверсификации поставок российских энергоресурсов в Словакию, аргументируя полной зависимостью страны от Российской Федерации в этой области. См., например: *Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky. Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov*. Bratislava, 1996. S. 14; *Idem. Slovensko-ruské hospodárske vzťahy — viac otázok ako odpovedí. Obchodné problémy, vízie, surtoviny a záujmy // Mezinárodní vztahy*. Praha, 1997. Č. 2. S. 31–33. Однако эта концепция почему-то не касалась США и Евросоюза. Как будто зависимость от этих территорий можно охарактеризовать как положительную, в отличие от российской зависимости. Словацкое же правительство к этому относилось иначе. С его точки зрения, любая односторонняя зависимость от отдельно взятой страны (США, Германия, Австрия, Франция) или интеграционной группы (ЕС) грозила серьезными последствиями не только для словацкой экономики, но и для дальнейшего существования Словакии как государства. Так, например, на встрече с экспертом по странам Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) Комитета по внешней политике Конгресса США Э. Смит государственный секретарь МИД СР Й. Шестак отметил стремление Словакии к «сбалансированному представительству иностранного капитала в процессе приватизации», акцентируя внимание на Чешской Республике, оставившей «позади многие другие бывшие социалистические страны». См.: Чехия и Словакия в XX веке. Т. 2... С. 335. Однако с его точки зрения «высокая доля немецкого капитала создает угрозу для германизации этой страны». См.: *Diplomatický archív Minsiterstva zahraničných vecí Slovenskej republiky (DA MZV SR)*. F. Zastupiteľský úrad (ZÚ) Washington. Kr. 3. Fasc. 110–100. Č. j. 74.829/95-POLF. S. 2. С точки зрения Смита, приведенной в

ее отчете для членов Комитета по внешней политике Конгресса США, именно этой судьбы Словакия хотела избежать. См.: Ibid. Kr. 9. Fasc. 253–109. Č. j. 2411/95-or. Concerns regarding democratic development in Slovakia. P. 3. И. Шестак считал, что как раз подобная внешняя «сбалансированность» словацкой экономики сможет привести страну к «наименьшим трудностям» среди государств, входивших в «Вишеградскую четверку». Обращает на себя внимание тот факт, что в первой послереволюционной «Концепции государственной политики в области внешних экономических отношений», принятой на заседании правительства Чешской и Словацкой Федеративной Республики 14 июня 1990 г., чехословацкая политическая элита опасалась оказаться в «односторонней зависимости от... немецкого рынка и капитала» (Slovenský národný archív. F. Úrad vlády Slovenskej republiky 1981–1992. Zasadania vlády Českej a Slovenskej federatívnej republiky. Šk. 550. Usnesení č. 410. Č. j. 5386/90-15. S. 30). Однако, именно подобная концепция многовекторного развития словацкой внешней торговли не устраивала западные страны. К примеру, Смит ее называла «манипуляцией с процентами иностранных инвестиций». См.: DA MZV SR. F. ZÚ Washington. Kr. 9. Fasc. 253–109. Č. j. 2411/95-or. Concerns regarding democratic development in Slovakia. P. 3.

³ Stenografická správa o 4. schôdzi Národnej rady Slovenskej republiky, konanej 19., 20., 25. a 26. januára 1995. URL: <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=65805>.

⁴ *Bogomolov O.* Slovensko medzi silovými poľami. Interview — zhováral sa I. Drábek // Pravda. 1995. 13. 10. S. 1.

⁵ Slovak Republic: A Strategy for Growth and European Integration. Washington: World Bank Organisation, 1998. P. IX.

⁶ Некоторые из оппозиционных аргументов собраны и в русскоязычной литературе. См.: Чехия и Словакия в XX веке. Т. 2... С. 384–394; *Фиш М.С.* Конец «мечьяризма» // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. М., Чикаго, 1999. № 5. С. 2–9; *Щербак Ю. А.* Конец «мечьяризма» [Рецензия на статью М.С. Фиша] // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе. М., 2003. С. 185–195.

⁷ *Bates M.* Slovensko s poškvrneným menom — Interview. Zhovárala sa T. Kelcová // Hospodárske noviny. 1994. 11. 3. S. 1, 3.

⁸ DA MZV SR. F. ZÚ Washington. Kr. 9. Fasc. 253–109. Č. j. 2411/95-or. Concerns regarding democratic development in Slovakia. P. 1–3.

⁹ Ibid. Ms. Anne V. Smith, Professional Staff Member U.S. Senate Foreign Relations Committee, Washington, D.C. P. 2.

¹⁰ Ibid. P. 1.

¹¹ Ibid. P. 4.

¹² Ibid. Kr. 4. Fasc. 253–100. Č. j. 3463/95-USVV1. List členov Kongresu vv SR v USA z 22.8.1995. S. 1–3.

¹³ И. Корчок работает сегодня на посту заместителя министра иностранных дел Словакии.

¹⁴ DA MZV SR. F. ZÚ Bonn. Kr. 29. Fasc. 253–100. Č. j. 3958/94. S. 1.

¹⁵ Ibid. Kr. 52. Fasc. 256–100. Č. j. 242/96. S. 2.

¹⁶ Texty demaršov EÚ a USA vláde SR // Pravda. 1995. 9. 11. S. 5.

¹⁷ DA MZV SR. F. ZÚ Washington. Kr. 19. Fasc. 253–100. Č. j. 1183/97-USVV1. The Slovak Republic. P. 13.

¹⁸ Ibid. Kr. 17. Fasc. 253–100. Human Rights and democratization in Slovakia. P. 22

¹⁹ Vládny návrh zákona NR SR, ktorým sa mení a dopĺňa zákon NR SR č. 63/1993 Z.z. o štátnych symboloch Slovenskej republiky a ich používaní v znení zákona NR SR č. 240/1994 Z.z. S. 11. http://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocumentVariant?documentVariantId=22576&fileName=nav_0456.pdf&ext=pdf.

²⁰ См.: Stenografická správa o 17. schôdzi Národnej rady Slovenskej republiky (11.-27. septembra 1996). <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=65842>.

- ²¹ Zákon Národnej rady Slovenskej republiky č. 273 zo 17. septembra 1996, ktorým sa mení a dopĺňa zákona Národnej rady Slovenskej republiky č. 63/1993 Z. z. o štátnych symboloch Slovenskej republiky a ich používaní v znení zákona Národnej rady Slovenskej republiky č. 240/1994 Z. z. S. 4. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1996/273/ZZ_1996_273_19961001.pdf.
- ²² Zákon Národnej rady Slovenskej republiky č. 63/1993 Z. z. z 18. februára 1993 o štátnych symboloch Slovenskej republiky a ich používaní. Časová verzia predpisu účinná od: 1. 1. 2004 do: 30. 6. 2006. S. 6. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1993/63/ZZ_1993_63_20040101.pdf.
- ²³ Ibid. Časová verzia predpisu účinná od: 1. 1. 2016. S. 6. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1993/63/ZZ_1993_63_20160101.pdf.
- ²⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 888. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 29.
- ²⁵ Návrh na prijatie uznesenia NR SR o vyhlásení referenda. Tlač č. 617. S. 2. http://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocumentVariant?documentVariantId=23857&fileName=tlac_0617.pdf&ext=pdf.
- ²⁶ Stenografická správa o 24. schôdzi Národnej rady Slovenskej republiky. <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=65863>.
- ²⁷ Rozhodnutie prezidenta Slovenskej republiky z 13. marca 1997 o vyhlásení referenda. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1997/76/ZZ_1997_76_19970315.pdf.
- ²⁸ Uznesenie Ústavného súdu Slovenskej republiky z 21. mája 1997. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1997/139/ZZ_1997_139_19970522.pdf.
- ²⁹ Zbierka názvov a uznesení — Ústavný súd SR, 1997, II. Uznesenia. Č. 26-II. ÚS 31/97, Referendum a zmena Ústavy Slovenskej republiky. S. 1. <https://www.ustavnyusud.sk/zbierka-nalezov-a-uzneseni#!znauView>.
- ³⁰ Správa o 29. schôdzi Národnej rady Slovenskej republiky konanej 19. júna 1997. <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Document?documentId=65877>.
- ³¹ Zákon NR SR č. 564 z 19. novembra 1992 o spôsobe vykonania referenda. S. 4, 6, 10–11. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1992/564/ZZ_1992_564_19960528.pdf.
- ³² Ibid. Časová verzia predpisu účinná od 1. 7. 2011 do 30.6.2015. https://www.slov-lex.sk/static/pdf/1992/564/ZZ_1992_564_20110701.pdf.
- ³³ DA MZV SR. F. ZÚ Washington. Kr. 18. Fasc. 253–100. Č.j. 111.495/97-POLF. Záznam o rozhovore. S. 2–3.
- ³⁴ Ibid. Č.j. 2126/97. Vyhlásenie hovorcu MZV USA k situácii na Slovensku zo dňa 27.5.1997. S. 1; Ibid. Č.j. 2450/97. Poznámky veľvyslanca Ralpa Johnsona «Upevňovanie vzťahov medzi USA a Slovenskom». S. 3; Ibid. Kr. 20. Fasc. 253–103. CSCE Digest, June 1997. P. 64.
- ³⁵ Ibid. Kr. 18. Fasc. 253–100. Č.j. 2148/97. Informácia o návšteve člena Európskej komisie H. van den Broeka v SR. S. 1.
- ³⁶ Ibid. Č.j. 2110/97. Stretnutie premiéra V. Mečiara s titulármi akreditovanými v SR. S. 1–3.
- ³⁷ Ibid. F. ZÚ Bonn. Kr. 54. Fasc. 253–100. Č.j. 605/97. Uznesenie ÚS SR — úplné znenie. S. 1–2.
- ³⁸ Чехия и Словакия в XX веке. Т. 2... С. 394.
- ³⁹ Madeleine Albrightová (79) pripomenula Kiskovi trpkú minulosť. Aká bola jeho reakcia? <http://www.pluska.sk/spravy/z-domova/madeleine-albrightova-pripomenula-kiskovi-trpku-minulost-aka-bola-jeho-reakcia.html>.
- ⁴⁰ DA MZV SR. F. ZÚ Viedeň. Kr. 37. Fasc. 253–103. Zahraničná politika. S. 6–7.
- ⁴¹ DA MZV SR. F. ZÚ Viedeň. Kr. 37. Fasc. 253–103. Č. j. 3724/98. Zahraničná politika SR. S. 5; Ibid., Monitoring domácich a zahr. elektronických médií a domácej maďarskej tlače. S. 9; Ibid. Zahraničná politika — SR. S. 11, 20–21.
- ⁴² DA MZV SR. F. ZÚ Viedeň. Kr. 38. Fasc. 253–103. Zahraničná politika. S. 6.
- ⁴³ О Чешской Республике и чешских выборах 1998 г. см.: Чехия и Словакия в XX веке... Т. 2. С. 332–382; О Черногории см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв... С. 394–395.

- ⁴⁴ DA MZV SR. F. ZŮ Viedeň. Kr. 37. Fasc. 253–103. Č. j. 3724/98. Zahraničná politika SR. S. 5.
- ⁴⁵ Ibid. S. 2.
- ⁴⁶ Домрин А. Грустная история американской помощи в Москве. http://web.archive.org/web/20070523185726/http://world.ng.ru/dipcorpus/2001-03-22/4_help.html.
- ⁴⁷ DA MZV SR. F. ZŮ Viedeň. Kr. 38. Fasc. 253–103. Zahraničná politika. S. 5.
- ⁴⁸ Ibid. S. 6.
- ⁴⁹ Ibid. Kr. 37. Fasc. 253–103. Č. j. 100.410 ANAP. Otázky európskej integrácie. S. 4–5.
- ⁵⁰ Ibid. S. 6.
- ⁵¹ Ibid. Kr. 39. Fasc. 253–103. Č. j. 2138Mi98.vie. S. 1–2; Ibid. Č. j. 2137Mi98.vie. S. 1; Ibid. Č. j. 2093/98. S. 1; Ibid. Č. j. 2092Mi98.vie. S. 1–2; Ibid. Č. j. 2109Mi98.vie. S. 1; Ibid. Č. j. 100.410/98-ANAP/49. S. 18–20.
- ⁵² Stenografická správa o 2. schôdzi Národnej rady Slovenskej republiky konanej 4. novembra 1994. S. 80–88. <http://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocument?documentId=311848>.
- ⁵³ Vládný návrh zákona Národnej rady Slovenskej republiky o zabezpečení záujmov štátu pri privatizácii strategicky dôležitých štátnych podnikov a akciových spoločností. Č. 175. S. 10–28. http://www.nrsr.sk/dl/Browser/DsDocumentVariant?documentVariantId=21106&fileName=nav_0175.pdf&ext=pdf.
- ⁵⁴ DA MZV SR. F. ZŮ Washington. Kr. 3. Fasc. 110–100. Č. j. 2992/Li. Návšteva ministra vnútra SR L. Hudeka u poradcu prezidenta USA pre bezpečnosť D. Frieda. S. 1–2.
- ⁵⁵ Ibid. Kr. 18. Fasc. 253–100. Č. j. 1904/97-USVV1. Návrh informácie o návšteve ministra zahraničných vecí SR v USA pre ZŮ SR v zahraničí. S. 1.
- ⁵⁶ Ibid. Č. j. 2522/97-USVV1. S. 2.
- ⁵⁷ Ibid. Kr. 1. Fasc. 256–100. Č. j. 2205/94. S. 1–3; Ibid. Č. j. 2670/94. S. 1–2.
- ⁵⁸ Ibid. Kr. 2. Fasc. 253–100. Č. j. 1829/94. S. 1.
- ⁵⁹ Ibid. Kr. 12. Fasc. 253–100. Č. j. 1371/96-or. Stanovisko k návrhu predsedu «Slovak Garden» A. Hudaka na udelenie uznania kongr. J. Micovi. S. 2.
- ⁶⁰ Ibid. Č. j. 210.112/96-KAŠT. S. 1.
- ⁶¹ Congressional record. House of Representatives. European Security Act of 1997. P. H3713-3714. <https://www.congress.gov/crec/1997/06/11/CREC-1997-06-11-pt1-PgH3706-2.pdf>.
- ⁶² DA MZV SR. F. ZŮ Washington. Kr. 18. Fasc. 253–100. Č. j. 1895/97-USVV1. Záznamy z rozhovorov ministra zahraničných vecí SR P. Hamžíka so senátorom J. McCainom a kongresmanom L. Hamiltonom. S. 2.
- ⁶³ Ibid. F. ZŮ Bonn. Kr. 31. Fasc. 265–100. Č. j. 3848/94. S. 1.
- ⁶⁴ Ibid. F. ZŮ Moskva. Kr. 85. Fasc. 256–100. Č. j. 019/94-PŮ-tajné. S. 2.
- ⁶⁵ Archív Úradu vlády SR (A ÚV SR). Uznesenie č. 61. Č. j. 158/99. Návrh na zrušenie určenia spoločnosti Slovenské aerolínie, a. s., Bratislava za národného leteckého dopravcu SR.
- ⁶⁶ См., например: A ÚV SR. Uznesenie č. 577. Č. j. 1439/2000. Zámer a postup privatizácie SPP, š. p.; Návrh na vydanie rozhodnutia, ktorým sa mení rozhodnutie o schválení privatizačného projektu Slovnaft, štátny podnik so sídlom Bratislava a rozhodnutia vlády Slovenskej republiky o spôsobe naloženia s majetkovou účasťou FNM SR v obchodnej spoločnosti SLOVNAFT, a.s. Bratislava. <http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=2734>; Návrh spôsobu privatizácie 49 % — ného podielu v spoločnosti Slovenský plynárenský priemysel, a. s. Bratislava <http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=1759>; Analýza možných spôsobov nakladania a súhlas s naložením s majetkovou účasťou Fondu národného majetku SR na podnikaní obchodnej spoločnosti VSŽ akciová spoločnosť Košice formou priameho predaja vopred určenému záujemcovi spoločnosti US Steel <http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=7918>; Návrh spôsobu privatizácie Slovenských elektrární, a.s. — nové znenie <http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=14111>.

⁶⁷ Televízne noviny [JOJ], 28.7.2011. <https://www.youtube.com/watch?v=8AbNBU8UC6w>.

⁶⁸ Fico hovorí, že najväčšia prednosť Slovenska je schopnosť ľudí žiť z nízkych príjmov. <http://www.parlamentnelisty.sk/arena/monitor/VIDEO-Fico-hovori-ze-najvacsia-prednost-Slovenska-je-schopnost-ludi-zit-z-nizkych-prijmov-288028>.

⁶⁹ Сурманек Ш. Условия развития и характер демократической консолидации в Словакии // Восточноевропейские исследования. 2006. № 3. С. 85.

⁷⁰ Так, например, к очередной годовщине ввода войск Организации Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. заместитель председателя НП–НС М. Угрик написал статью «Воспоминания об августе 1968 г.: Одна оккупация закончилась, другая началась». В ней словацкий политик характеризует возникновение в 2016 г. натовского полигона в Словакии следующим образом: «“Братская помощь” Советского Союза была заменена на “союзную помощь” американцев. А “защита социализма” меняется на “защиту демократии”». См.: Spomienka na august 1968: Jedna okupácia skončila, druhá sa začala. <http://www.naseslovensko.net/nase-nazory/vyhlasenia/spomienka-na-august-1968-jedna-okupacia-skoncila-druha-zacala/>.

⁷¹ Plán “B” — časť 1: Pravda o zahraničných investoroch a o kolonizácii slovenského hospodárstva. <http://www.naseslovensko.net/nase-nazory/plan-b-cast-1-pravda-o-zahranicnych-investoroch-a-o-kolonizacii-slovenskeho-hospodarstva/>.

⁷² Prvý deň rokovania 6. Schôdze NR SR 14. júna 2016 o 13.00 hodine. S. 21–40. http://www.nrsr.sk/dl/Browser/Default?legId=13&termNr=7, RF_0007_0006_20160614.

⁷³ Ibid. S. 15.

⁷⁴ TERAZ preferencie. <http://preferencie.teraz.sk/Strana/Kotleba+-+L'SNS/1503439200>.